

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

**Александр
Галин**

Библиотекарь

Александр Галин
Библиотекарь

«ФТМ»

1984

Галин А. М.

Библиотекарь / А. М. Галин — «ФТМ», 1984 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

«В бывшем монастыре расположились библиотека и артель инвалидов. Сквозь зарешеченные окна видно, как несколько незрячих делают свою нехитрую работу. Полки библиотеки, хранящие прежний порядок, пусты. В проходе два слепых баяниста, прислушиваясь друг к другу, растягивают мехи баянов. Появился Паша – крохотный мужичок с восторженным лицом. Его настигает Екатерина Федоренко...»

© Галин А. М., 1984
© ФТМ, 1984

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Галин
Библиотекарь
Драма в двух действиях

Действующие лица

**Ковалёв,
Инна Сергеевна,
Юра,
Валера,
Грызлов,
Наташа,
Паша,
Екатерина Федоренко.**

Действие первое

В бывшем монастыре расположились библиотека и артель инвалидов. Сквозь зарешеченные окна видно, как несколько незрячих делают свою нехитрую работу. Полки библиотеки, хранящие прежний порядок, пусты. В проходе два слепых баяниста, прислушиваясь друг к другу, растягивают мехи баянов. Появился Паша – крохотный мужичок с восторженным лицом. Его настигает Екатерина Федоренко.

Паша. Опомнись, Федоренко!

Федоренко. Задавлю!

Паша. Ты чего делаешь?

Федоренко. Задавлю! Меня, многодетную, оправдают. *(Настигла Пашу.)* Смотрите сюда! Все смотрите! Свидетели!

Паша. Они незрячие. Катя, пожалуйста!

Федоренко. Я всех здесь поубиваю сегодня! Я буду судить окончательным приговором!

Паша. Катя!..

Федоренко. Значит, мне самой вести Модеста, да? Повтори!

Паша. Я не поведу больше никогда!

Федоренко. Повтори, гад! *(Бьет Пашу.)* Считай, на что мы живем с пятерыми детьми. Считай!

Паша. Это ты рожает, а я за что отвечаю?

Федоренко. Думаешь, ты хозяин положения?

Паша. Я не думаю вслух, вслух думают попугаи.

Федоренко. Умным стал?

Паша. Я дураком никогда не был!

Федоренко *(кричит)*. От дома отбился!

Паша. Я участник общественной жизни.

Федоренко. На тебе еще по роже!

Паша. Сейчас я выйду из себя – наступит ужас!

Федоренко заметила вошедшую Наташу. Оставила Пашу, направилась к ней.

Федоренко. Увидела, что он тронутый, – села больному на шею!

Паша. Еще одно слово от тебя – я продам Модеста и все деньги переведу в Фонд мира!

Федоренко. Я просила: ему нельзя читать. Просила: не давайте ему книги!

Наташа. Я вам уже сказала, нечего пьяной ходить сюда!

Федоренко. Ты мне подносила? Подносила мне? Угощала меня? Ну и нечего меня пьяной обвинять! Я больная, мне пить положено. Я на тяжелой работе надрываюсь!

Паша. За это тебе пенсия будет.

Федоренко. Чего вы меня гоните?! Я читать пришла в библиотеку!

Паша. Библиотека теперь закрыта.

Федоренко. Что же вы, девушка милая, не посоветуете, что посмотреть? Журналов мод, про здоровье дайте, пожалуйста.

Наташа. Я, по-моему, ясно сказала: уходите отсюда!

Паша. Это ж директор артели! Стыдись, Федоренко!

Федоренко. Дрова пилить, картошку копать – люди спрашивают: где Паша? А Паша теперь книги читает! Я ему Модеста сюда приведу – пусть разбирается с ним сам. *(Уходит.)*

Паша. Вот что делать?!

Наташа. Иди домой, раз жена зовет.

Паша. Скажешь тоже! Какая она жена! Неужели я себе лучше бы не нашел! Про нее мужики говорят: худая, на ощупь одна берцовая кость. А Модеста она приведет сюда, с нее станется.

Наташа. Кто такой Модест?

Паша. Тошно вспомнить, до чего довели бедное животное! *(Махнул рукой.)* Есть важное правительственное сообщение для тебя.

Наташа. Какое? *(Пауза.)* Отдышись, докладывай спокойно.

Паша. Слышь-ка, тебя мужик спрашивает, слышь?

Наташа. Какой же такой мужик?

Паша. Так я его не видел. Подожди! Спрашивал по телефону. Я ему: пожалуйста, говорю, выйду ее покличу. Нет, торопился. Просил сказать: сегодня приедет. Часа три назад звонил. А я забыл. Потом вспомнил – и сразу к тебе.

Наташа. Ну, пусть едет. Не сказал ни имени, ни фамилии?

Паша. Нет, не сказал. Я же и записал в блокнот твой: звонил мужик, едет мужик... мужчина.

Наташа. Спасибо, Павел. Теперь ответь: почему так мало людей в артели? Тебе было дано задание объявить людям: сегодня рабочий день. Не выходной – ра-бо-чий! *(Кивнула на баянистов.)* И нечего сегодня самодеятельностью заниматься! Иди выполни задание и продолжай дежурить.

Паша. Значит, мужик едет к тебе. Вот так, я передал.

Наташа. Иди, иди, Павел.

Паша. Совет дать?

Наташа. Не надо.

Паша. Лучше здесь найди, из местных. Какие твои годы! Будешь только по воскресеньям с мужчинами баловать, по выходным, – совершишь ошибку. Жизнь идет, жизнь бежит, жизнь катится – кто, значит, друг к дружке навстречу не идет, тот сподхватится.

Наташа. Паша, ты ведь немолодой человек, не мальчик.

Паша. Был мальчиком, был молодым. Жизнь идет, жизнь бежит, жизнь катится...

Наташа. Ты намного старше меня, правильно?

Паша. Я тебя не крестил – вы, начальники, некрещеные, черти.

Наташа. Понимаешь, дружок, я – директор. Обращайся ко мне на вы. Напоминай себе. Ты мое имя-отчество помнишь?

Паша. Дева Наталья Петровна.

Наташа. Не надо шутить так. Изменись. Ты – наш актив, Павел. На тебе большая ответственность, ты зрячий. Подумай, на кого мне еще рассчитывать? Ну хорошо. Больше не было звонков?

Паша. Да кто к нам звонит! Кому мы нужны!

Наташа. Ну, иди.

Паша. Природа, сказал Мичурин, нестерпимо требует скрещивания.

Наташа. Мичурин этого не говорил.

Паша. Это Мичурин-то?! Я был помощником товарища Мичурина по политчасти. Я был его комиссаром. Я ему с самого начала сказал: товарищ Мичурин, не жди милости от природы. *(Засветился.)* Один раз приехал к товарищу Мичурину Константин Эдуардович Циолковский, и схватились они с ним на тему о том, что все-таки управляет жизнью человеческих существ? «Управляет, – настаивал Мичурин, – всеобщий закон движения материальных частиц через анальное кольцо. Это путь всего живого, его смысл». С этим Константин Эдуардович не согласился...

Наташа. Иди, Павел. В остальном я тобой довольна.

С двумя тяжелыми сумками вошел Ковалёв. Остановился.

Ковалёв. Наташенька!

Паша. Значит, передаю еще раз: едет мужик к тебе, мужчина.

Наташа (*тихо, Паше*). Пошел отсюда! Быстро!

Паша уходит.

Ковалёв. Наташенька, я раздавлен. Какой это ужас: из одной очереди в другую очередь!.. Вы знаете, я, когда раньше видел табличку «В порядке живой очереди», думал: неужели есть мертвая? Оказывается, есть! Мертвая – это, знаете, запись на бумаге. Но это ненадежно: бумага вдруг может исчезнуть. Мертвая очередь производит клеймение на тыльной стороне ладони химическим карандашом. (*Показал.*) Вот, я – двести шестьдесят седьмой. Подошел, не успел спросить, что привезли, – подскочил активист и в лицо прямо: будете стоять? Другой схватил руку, и вот. Оказалось, кости копченые. И я бежал, а вслед кричали: номер скажи, номер!.. (*Смеется.*) Меня проштамповали.

Наташа. Давайте помогу.

Ковалёв. Спасибо, спасибо. Уж теперь я дотащу сам. Подождите, дева моя. Когда автобус поднялся на холмы, я увидел вдалеке наш монастырь, в окнах вашей артели горел свет... Вы меня ждали?

Наташа. Ждала.

Ковалёв. Когда женщина ждет, жилище приобретает смысл. Если никто не ждет добытчика, он не может быть счастлив. Жилище его холодно и пусто.

Наташа. Надо было Юру послать.

Ковалёв. Юрочка не может стоять в очередях. Когда он был совсем мальчиком, он меня спрашивал: «Дедушка, почему Бог заставил нас добывать себе пищу, разве нельзя было сделать нас такими, чтобы можно было жить только дыханием?»

Наташа. Что купили?

Ковалёв. Не знаю. Хватал все, что попадалось под руку. (*Громко.*) Юра!

Наташа. Он ушел куда-то.

Ковалёв. Мать встречать. Как это я его не увидел? Вы не обратили внимания, он плащ надел? Там довольно прохладно... В очереди за огурцами рассказали историю: вроде бы один инвалид убил женщину курицей. (*Пауза.*) Ждали они кур. Сначала живыми стояли, потом, на ночь, мертвыми, потом опять живыми. Наконец до нее дошла очередь, и подвернулся инвалид. Она в сердцах ляпнула что-то, а он ее мороженой курицей по виску... Кто за все это ответит, Наташенька?

Молчание.

Да-а! Самое-то главное я не рассказываю! Мы здесь в районе ничего не знаем, а в области все время что-то происходит. Говорят, голос нашли и арестовали!

Наташа (*отстраненно*). Какой голос?

Ковалёв. Человеческий голос. Там за железнодорожным вокзалом все еще собираются толпы людей.

Наташа. А да, мне рассказывали...

Ковалёв. Но что поразительно! Он ведь никого не ругал, ничего такого запретного не говорил. Просто возникал и разговаривал иногда, читал отрывки из наших же газет. Милиция с ног сбилась, все этот голос искали! Никто не может понять, как он появлялся, откуда звучал голос. Я в очереди встретил знакомого, он своими глазами видел, как люди стоят и ждут. Ждут! Очень много молодежи, все на каком-то подъеме. Говорит, вокруг на улицах была паника, говорит, соли нет в магазинах, мыло всё раскупили... несколько юродивых там, конечно... их отгоняют...

Наташа (*смотрит в сумках*). Это что?

Ковалёв. Вот это? Дайте-ка я очки надену. Так... Это хлорофос.

Наташа. Вы своих гостей морить собираетесь?

Ковалёв. У нас клопы, дева моя, клопы. У вас их нет?

Наташа. В моей комнате, слава богу, нет.

Ковалёв. Я вас поздравляю, дева вы моя прекрасная.

Наташа. Владимир Викторович, я же просила вас, не зовите меня так. Какая я вам «дева»? Вчера приезжала областная комиссия, я показывала территорию, а вы мне: дева! Я чуть со стыда не сгорела.

Ковалёв. Областная комиссия? Я думал, к вам прислали новых инвалидов. А я-то гадал: что у них, у бедных, не так? И видят, и слышат... Я ведь решил, что у них что-то с головой. Один особенно хорошо зевал, с таким искусством!

Наташа. При моем контингенте тоже не надо. Паша уже начал: дева Наталья Петровна! Они все улавливают не хуже нас с вами.

Ковалёв. Сказали бы комиссии, что я тоже контингент.

Наташа. Они так и подумали. Масло растительное где?

Ковалёв. А где подсолнечник, спросите сначала. Где многие культуры и злаки, произраставшие на русской земле? На-та-а-ля Петровна! Что, что это за тетка такая! Я никогда не буду вас так величать. Конечно, вы большой начальник, а я всего лишь библиотекарь. У меня в подчинении только один человек, и тот – мой внук. У вас, понимаете ли, «специализированное предприятие», «артель картонажных изделий»! Слова-то какие! Бросает в дрожь. Хочется немедленно занять место в строю.

Наташа. Иногда я смотрю на вас...

Ковалёв....и думаю: не посадить ли его коробочки клеить?

Молчание.

Клеил, дева моя, клеил, и деревья валил. А вы думаете, где я библиотечному делу научился?.. В университете-то я изучал древние языки... Нет, вы – дева, юная, чистая дева! Ну улыбнитесь хотя бы раз!.. Оставьте эти проклятые сумки! Дайте посмотреть на вас. Двести шестьдесят седьмой заслужил: притащил столько провизии. Как я люблю, когда вы поднимаете волосы по-старинному, открываете лоб.

Наташа. Время идет, у меня ничего не готово. Чем вы будете своих гостей кормить?

Ковалёв. Что это, и бусы у вас новые? Слова-то какие попадаются сегодня – бусы! Наташа, Натали, сядьте, дружочек.

Наташа. Только, ради бога, без «Натали»!

Ковалёв. Ну хорошо, хорошо. Я хотел вас спросить кое о чем.

Наташа. Вы как будто меня не слышите! Готовить пора.

Ковалёв. С Юрочкой общались?

Наташа. Водку все-таки купили!

Ковалёв. Наташа, я не буду скрывать от вас: на коньяк у меня не хватило денег. Конечно, коньяк приличнее, но мы не можем позволить себе...

Наташа. Не надо было вообще ничего.

Ковалёв. Ну как это, как это! Приедут двое мужчин, – вы думаете, о чем говорите? Сегодня вы познакомитесь с Юриным братом.

Наташа. Мы знакомы.

Ковалёв. Ах да! Ну конечно! Валера же приезжал сюда уже при вас. Голова моя в сквозняке, уши надо заложить, все выдувает. Это Юрочка пришел ко мне в детстве с пальчиками в ушах и говорит: «Дедушка, ты мне сказал, что у меня в голове сквозняк, так я дырочки заложил». Такой был живой мальчишка!.. Ну, и как он вам?

Наташа. Кто?

Ковалёв. Валера. Единоутробные братья – а просто ничего общего, как будто и матери у них разные. А второй мужчина знаете кто? Юрочка вам не рассказывал?

Наташа. Я не спрашивала.

Ковалёв. Это наш новенький отчим. Он появился совсем недавно, мы его еще не видели. Сегодня нам его показывают... Юра редко видел мать... Но я не об этом хотел... Наташенька, когда вы приехали сюда, вы озарили Юрину жизнь, не осталось следа от его спокойствия, опять появилась бессонница, эти его страшные головокружения... *(Смеется.)* Читать стал меньше, поглупел... А какие беседы он проводит у вас в артели! Я тоже слушаю.

Наташа. Вы ему передайте: не надо обо всем с ними говорить.

Ковалёв. Почему?

Наташа. Люди они отсталые.

Ковалёв. А мне кажется, они все понимают. Наташа, скажите откровенно... Как бы это выразиться точнее... Юрочка кажется вам неудачником? В тридцать пять лет выдает книги!.. Его мать оставила моего сына: когда Юрочке был год, у нее появилась новая семья. Сын рано умер, Юру растили мы с женой... Вы, наверное, знаете, Наташа, что Юра был осужден?

Наташа. Да, знаю.

Ковалёв. Ужасно! Первый раз – совсем молодым человеком, еще в Ленинграде. Его посадили в больницу, хотя он был совершенно здоров! И за что? Молодые люди надумали издавать журнал, студенты, – вот, собственно, и все. Юра собрал стихи, рассказы и написал предисловие. Ему и пришлось отвечать. Никто не вступился за него. Столько профессоров в университете, доцентов – никто! Все молчали. Из университета, с последнего курса, – в сумасшедший дом! За что?.. А потом снова... колония... У него жуткая судьба! Он немножко добился в жизни. Брат Валера уже дважды был женат, обе спортсменки – альпинистка и слаломистка... Никак не могу понять, зачем он приезжал. Пил, ругался страшным матом – хорош был!.. Удачлив: на два года моложе Юры, а какая сделана карьера!.. *(Пауза.)* Вы же знаете, Наташа, их мать – диктор областного телевидения. Быть сыном такой известной женщины тоже ведь нелегко. Юра каждый день смотрит на нее, слушает, как она читает вести с полей, но они, можно сказать, не встречаются... Что все-таки Валера тут делал месяц назад?.. Приехал вдруг на рыбалку с товарищем...

Наташа. И что?

Ковалёв. Может быть, это и хорошо. Товарищ очень мне понравился. Умный, непьющий. Но Валера... Не знаю... Помните, сколько он выпил тогда? А вы говорите, не надо спиртного!.. Ничего, Юрочку реабилитируют, он займет мое место, будет вместо меня заведовать библиотекой, станет начальником. Тогда он вам понравится.

Наташа *(с трудом)*. А вы куда собираетесь?

Ковалёв. Как куда! Наташенька, если бы не Юрочка, я бы давно уже прорастал каким-нибудь цветом. Только с годами, дева моя, начинаешь понимать, как хороша жизнь. Сколько грязи, ужаса в ней, а все равно – такой вот день, такой вот полдень и вы!..

Молчание. Видно, что Ковалёв решил на разговор.

Неужели Юра не пробовал поговорить с вами?

Наташа. Мы все время разговариваем: я говорю, он молчит.

Ковалёв. Он вам совсем не нравится?

Молчание.

Я вас мучаю.

Наташа. Ничего, я привыкла. Пойду попробую приготовить из того, что вы купили.

Ковалёв. Подождите. Я давно собирался начать этот разговор. Он ведь сам вам ничего не скажет. Я знал, что мне придется признаваться за него. *(Пауза.)* У меня так заколотилось сердце!

Наташа. Владимир Викторович, не надо.

Ковалёв. Просто я волнуюсь. Я тоже ведь к вам привязался. Я хочу сказать: если вы... если Юра... тогда я смогу спокойно умереть: Юрочка один не останется. Ему нельзя одному. Он плохо приспособлен. Я, кажется, не то совсем говорю... Вы же видите, он к вам нерав-

нодушен. Вы женщина, вы, конечно, давно это заметили. Простите меня, старого дурака. Я знаю Юру: он никогда не скажет того, что чувствует. Он сейчас на таком подъеме. Он счастлив. Я знал, что он когда-нибудь полюбит. Я боялся, что ему встретится недалекая женщина. Вы добрая, чуткая...

Наташа. Это я-то добрая?

Ковалёв. Вы работаете с такими людьми! Кто сейчас, в наш век, помнит, что есть несчастные, обиженные судьбой! Людям давно уже надо называться как-то по-другому. Вы приехали сюда по зову сердца...

Наташа. Предложили место с площадью – я поехала. Для женщины важна площадь, вот и все.

Ковалёв. У вас общее дело. Как это хорошо, что Юрочка занимается с ними! Это хорошо, это важно. Разве не святая мысль пришла в вашу светлую голову?

Наташа. Составляли план мероприятий, надо было и культурную работу... Я вообще хотела, на перспективу. А он завелся. Кстати, деньги небольшие у нас есть, я могу ему платить за кружок. По существу, он ведь кружок ведет. Я предлагала, он не хочет.

Ковалёв. Вы ему предлагали деньги? Да разве бы он взял!

Наташа. Немного, на карманные расходы. У мужчины должны быть в кармане деньги, чтобы не было такого... когда женщина... платит. В Доме культуры смотрели лилипотов, он в перерыве мялся: не на что было в буфет пойти. Пусть оформляет кружок. Тем более что с меня требуют, чтоб все было оформлено официально: какого рода занятия, о чем...

Ковалёв. Наташенька, мы все свои деньги тратим на книги. Вы знаете, сколько нам отпускают новых книг. Тут стояли все вместе – и наши и библиотечные. Мы скромно живем... А куда ездили позавчера? Вас целый день не было.

Наташа. Надо было в область.

Ковалёв. Вы не поссорились с Юрой?

Наташа. С чего бы это!

Ковалёв. Всё! *(С подъемом.)* Я должен был, вы говорите, купить растительного масла? Вот увидите, оно есть в нашем магазине. Приедет мать, я хочу, чтобы вы познакомились.

Наташа. Я не против. Вы придаете этому какое-то значение?

Ковалёв. Да! Да!.. Почему Юра ушел так рано? Так вы не заметили, плащ был на нем?

Наташа *(покачала головой, засмеялась).* Что он, ребенок, что ли?

Ковалёв. Как вы редко смеялись в последнее время!

Наташа. Ему сорок лет скоро.

Ковалёв. Сорок? Тридцать шесть! Ему еще нет тридцати шести. Не говорите ему ничего о нашей беседе. Иду в магазин. Я выжму из них масло!

Уходит. В глубине стоит Валера, высокий, широкий в плечах.

Валера *(подходя).* Если гора не идет к Магомету... *(Обнимает Наташу.)* Я заскучал, заскучал...

Наташа. Мне о тебе доложили... Магомет... Вас позже ждут. Ты один? А остальные где?

Валера. Едут. Мы на двух машинах – они на своей, я на своей. Ты заскучала?

Наташа. Некогда было... Я собиралась в город завтра.

Валера. Завтра? Поедешь со мной сегодня.

Наташа. Нет, не надо, не надо.

Валера. Я сказал: сегодня, в моей машине!.. Забежал в твой паноптикум, в разговор вступил на проходной о Мичурине.

Наташа. Это местный дурачок. *(Быстро.)* Отойди, отойди! *(Высвободилась, отошла от него.)* Я еле высидела здесь неделю, пока ты в Москве был. Такие сны: каждую ночь – ты!

Валера *(снова подошел).* Что же я делал с тобой?

Наташа. Отойди, отойди!

Валера. Ну так что я с тобой натворил во сне?

Наташа. С чего ты решил, что со мной?

Валера. Неужели с собой? И ты это допустила?

Наташа. Тихо, тихо, тихо... Прошу на вы, пожалуйста... Ну ладно, все! Пошла вам готовить.

Валера. Это хорошо. Посмотрим, как ты готовишь. Я люблю поесть.

Наташа. Ну все, все! Прошу тебя, не надо...

Валера. Что такое? Звонить нельзя, целовать нельзя! Ты что, в тылу врага работаешь?
Валера крепко обнял Наташу, после короткой борьбы она ответила на его поцелуй.

Наташа. Отойди! Смотри, заявлю на тебя – загремишь за попытку изнасилования.

Валера. А если я тебя уговорю?

Наташа. Ну ладно, ну пусти... Ты что? Пусти!

Валера. Нет же никого. Если что – мы читатели, выбираем любимую книгу.

Наташа. Ну прошу тебя! Я ведь тоже не железная. Ну, пожалуйста, не надо. (*Отходит.*)

Валера. Не надо – так не надо... Ну а как ты тут вообще?

Молчание.

Значит, хочу предупредить: тебе сегодня предстоит испытание – познакомится с мамой поближе. Мой совет – старайся больше молчать. Мама не выносит, если рядом звучит чей-то голос кроме ее. Особенно женский. Лады?

Наташа. С чего ты взял, что я рвусь с ней познакомиться поближе?

Валера. А зачем сразу негатив?

Возвращается Ковалёв.

Вот и мы, книголюбы. Владимир Викторович, принимайте читателя.

Ковалёв. Наташенька, я вернулся, мне все-таки надо посмотреть плащ. Юра ушел в плаще?

Валера. Добрый день, Владимир Викторович!

Ковалёв. Добрый день! Вы уже приехали? А вы Юру не встретили? Наташенька, представляете, плащ висит – не взял! Шарф не взял, хотя я его просил.

Валера. Да там не холодно. Он куда пошел?

Ковалёв. Вам навстречу.

Валера. Я сейчас его найду. (*Быстро.*) Вы здесь дожидаетесь гостей, а мне братишку скорее увидеть хочется. Я не прощаюсь с вами, Наташа. Вы собирались готовить, правильно?

Наташа (*с трудом*). Посмотрим...

Валера. Мама с Михаилом с минуты на минуту подъедут. Я их обогнал. (*Тихо проходящей мимо Наташе.*) Я не зря торопился, Наташа? Что такое, Наталья Петровна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.